

ОБ АРХИТЕКТОНИКЕ 91 СОНЕТА У. ШЕКСПИРА

Sonnet 91

Some glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth, some in their bodies' force,
Some in their garments, though new-fangled ill,
Some in their hawks and hounds, some in their horse;

And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest:
But these particulars are not my measure;
All these I better in one general best.

Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' cost,
Of more delight than hawks or horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:

Wretched in this alone, that thou mayst take
All this away and me most wretched make.

William Shakespeare

Сонет 91

Кто счастлив родословной, кто умом,
Кто силою, кто полною казною,
Кто соколом, кто псами, кто конем.
Кто пышностью наряда показною

У каждого свое в своей цене,
И каждому дано свое пристрастие.
Их счастья, по частям, не нужно мне
Огромное мое едино счастье.

Твоя любовь почетней всех гербов,
Казны дороже и богаче платья,
Престижней жеребцов и соколов,
С ней большего не в силах пожелать я.

Но все отнять ты можешь, - вот беда!
Меня несчастным сделав навсегда.

Перевод Сергея Степанова

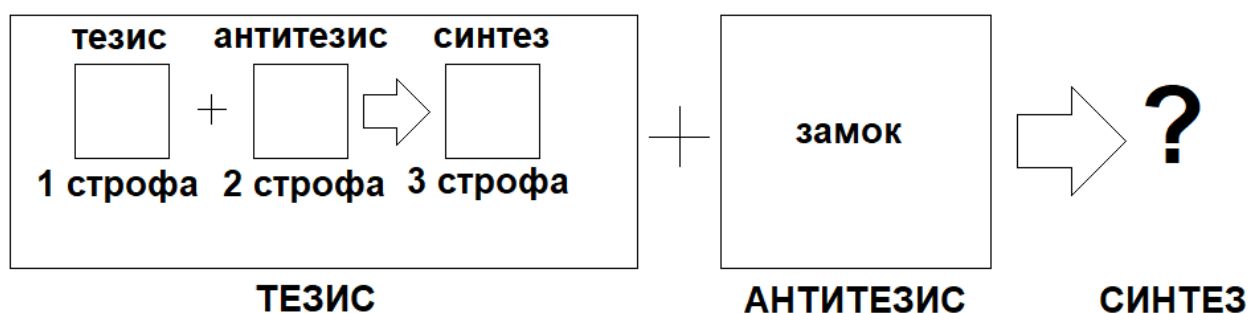
В этой небольшой статье мне хотелось бы рассмотреть 91 сонет Уильяма Шекспира в необычном аспекте. Этот сонет, как мне кажется, ценен не только как чувственное лирическое послание высочайшего художественного уровня, но и как **учебник ораторского мастерства**.

Основное «тело» сонета состоит из трех смысловых частей, соответствующих трём катренам. Три катрена являются ярким примером воплощения гегелевской триады «тезис-антитезис-синтез». В первом четверостишии звучит **тезис** (люди находят счастье в каких-то конкретных явлениях), во втором четверостишии – **антитезис** (поэту чуждо такое понимание счастья, его счастье – едино и неделимо), в третьем четверостишии – **синтез** (любовь другого человека – вот что делает поэта счастливым и в целом, и в частном).

Убедительно и чувственно доказав превосходство своего единого счастья над частными радостями остальных, Шекспир затем выводит свое высказывание на новый уровень. Завершающее двустишие, – «сонетный замок», – переворачивает и подвергает сомнению предыдущие 12 строк

(оборотная сторона такого единого и всеобъемлющего счастья – такая же всеобъемлющая боль от его утраты). Это – **антитезис** ко всему «телу» сонета. Диалектика философского размышления автора таким образом выходит на следующую ступень. Но никакого вывода за этим ошеломляющим двестишлем не следует, Шекспир оставляет вопрос открытым и для читателя, и, вероятно, для себя. Материализуя в финале двойственность человеческого бытия, Шекспир завершает сонет как бы на взлете, давая читателю возможность осуществить **синтез** самостоятельно.

Грубо можно представить структуру сонета в виде следующей схемы:

Вступив во внутренний спор с расхожими представлениями о **материальном счастье** и одержав в этом споре бесспорную победу, Шекспир в финальном двестишлии выходит не только на новый уровень конфликта, но и на новую тему. Здесь появляется проходящий через многие шекспировские сонеты мотив близости и противостояния **любви и смерти**. В этом 91-й сонет структурно перекликается с 66-м сонетом. Только там, напротив, в самом финале возникает любовь, спасающая-удерживающая поэта от смерти.

Передать архитектуру сонета в переводе непросто. Первая строфа почти дословно перекликается с третьей, а сонетный замок вступает в спор с предыдущими двенадцатью строчками. На стыке 12-й и 13-й строк возникает смысловой и эмоциональный **перелом**.

Именно поэтому мной не был выбран для анализа красивейший перевод С. Маршака: в нем финальная часть не так внятно противопоставляется трем катренам, как в переводе С. Степанова:

С. Степанов:

...Твоя любовь почетней всех гербов,
Казны дороже и богаче платья,
Престижней жеребцов и соколов,
С ней большего не в силах пожелать я.

Но все отнять ты можешь, - вот беда!
Меня несчастным сделав навсегда.

С. Маршак:

...Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

В рамках разговора о 91-м сонете нельзя не упомянуть о приеме, который Шекспир плодотворно применяет и в поэзии, и в драматургии. Я бы назвал его приемом **снежного кома**, накопления аргументов. У Шекспира любой многословный ряд однородных частей высказывания лишь на первый взгляд кажется перечислением. На самом деле за этими каскадами кроется непрерывно разгоняющаяся и развивающаяся энергия.

Вот, скажем, отрывок из комедии «Много шума из ничего», где Бенедикт заявляет герцогу:

«Не угодно ли вашему высочеству дать мне какое-нибудь поручение на край света? Я готов за малейшим пустяком отправиться к антиподам, что бы вы ни придумали (1); хотите, принесу вам зубочистку с самой отдаленной окраины Азии (2), сбегая за меркой с ноги пресвитера Иоанна (3), добуду волосок из бороды Великого Могола (4), отправлюсь послом к пигмеям (5)? Все будет мне приятнее, чем перекинуться тремя словами с этой гарпией».

В пяти частях этой выразительной тирады Бенедикт не просто перечисляет невероятные поручения, которые приходят ему на ум. Он с каждой новой частью **поднимается на новую ступеньку высказывания**,

раздувает событие, распаляется, чтобы за тем сделать уничижительный вывод. Для хорошего артиста такие моменты в тексте – настоящий подарок.

У Шекспира примеры подобного накопления аргументов (не только и не столько логического, сколько чувственного) можно найти в огромном количестве.

Как же этот прием работает в 91-м сонете?

В первой строфе мы видим именно **перечисление**: одни счастливы этим, другие вот этим, третьи вот тем... Восемь отдельных фактов, отдельных примеров, связанных только общей темой.

Кто счастлив родословной (1), кто умом (2),
Кто силою (3), кто полною казною (4),
Кто соколом (5), кто псами (6), кто конем (7).
Кто пышностью наряда показною (8)

Но затем, когда в третьей строфе поэт начинает говорить о себе, почти все перечисленные элементы (пять из восьми) возникают вновь, но уже как части *снежного кома*. Предмет разговора один – любовь. Все возникающие примеры нанизываются, наматываются на общий стержень, и с каждым новым примером все ширится масштаб высказывания, все более убежденно говорит поэт:

Твоя любовь почетней всех гербов (1),
Казны дороже (2) и богаче платья (3),
Престижней жеребцов (4) и соколов (5),
С ней большего не в силах пожелать я.

91-й сонет Шекспира являет собой высказывание, блестящее и по содержанию, и по совершенной форме, в которую оно отлито. В сонете поэт сначала с пылкой убежденностью сталкивает материальное и духовное представление о счастье, а затем поднимается на новый уровень размышлений и говорит об оборотной стороне своего чувства.